

Перси Биши Шелли

ОСВОБОЖДЕННЫЙ
ПРОМЕТЕЙ

Перси Биши Шелли

Освобожденный Прометей

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Шелли П.

Освобожденный Прометей / П. Шелли — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Освобожденный Прометей» - блестящая романтическая драма в стихах, созданная Перси Биши Шелли, величайшим английским поэтом XIX века по мотивам греческих мифов. Главный герой драмы титан Прометей, осужденный верховным олимпийским богом Юпитером терпеть мучительную пытку, не покоряется тирану и предрекает ему падение с престола и вечную тьму...

© Шелли П.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Действующие лица	8
Действие первое	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Перси Биши Шелли. Освобожденный Прометей

Предисловие

Audisne haec, Amphiaræ, sub terram abdite?

Слышишь ли ты это, Амфиарей, скрытый под землею?

Греческие трагики, заимствуя свои замыслы из отечественной истории или мифологии, при разработке их соблюдали известный сознательный произвол. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятого толкования или подражать, в повествовании и в заглавии, своим соперникам и предшественникам. Подобный прием привел бы их к отречению от тех самых целей, которые служили побудительным мотивом для творчества, от желания достичь превосходства над своими соперниками. История Агамемнона была воспроизведена на афинской сцене с таким количеством видоизменений, сколько было самых драм.

Я позволил себе подобную же вольность. Освобожденный Прометей Эсхила предполагал примирение Юпитера с его жертвой, как оплату за разоблачение опасности, угрожавшей его власти от вступления в брак с Фетидой. Согласно с таким рассмотрением замысла, Фетида была дана в супруги Пелею, а Прометей, с соизволения Юпитера, был освобожден от пленничества Геркулесом. Если бы я построил мой рассказ по этому плану, я не сделал бы ничего иного, кроме попытки восстановить утраченную драму Эсхила, и если бы даже мое предпочтение к этой форме разработки сюжета побудило меня лелеять такой честолюбивый замысел, одна мысль о дерзком сравнении, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресечь ее. Но, говоря правду, я испытывал отвращение к такой слабой развязке, как примирение Поборника человечества с его Утеснителем. Моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея, исчез бы, если бы мы могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко преклонился перед торжествующим и коварным противником. Единственное создание воображения, скольконибудь похожее на Прометея, это Сатана, и, на мой взгляд, Прометей представляет из себя более поэтический характер, чем Сатана, так как – не говоря уже о храбрости, величии и твердом сопротивлении всемогущей силе – его можно представить себе лишенным тех недостатков честолюбия, зависти, мстительности и жажды возвеличения, которые в Герое Потерянного Рая вступают во вражду с интересом. Характер Сатаны порождает в уме вредную казуистику, заставляющую нас сравнивать его ошибки с его несчастьями и извинять первые потому, что вторые превышают всякую меру. В умах тех, кто рассматривает этот величественный замысел с религиозным чувством, он порождает нечто еще худшее. Между тем Прометей является типом высшего нравственного и умственного совершенства, повинующимся самым чистым, бескорыстным побуждениям, которые ведут к самым прекрасным и самым благородным целям.

Данная поэма почти целиком была написана на горных развалинах Терм Каракаллы, среди цветущих прогалин и густых кустарников, покрытых пахучими цветами, что распространяются в виде все более и более запуганных лабиринтов по огромным террасам и головокругительным аркам, висящим в воздухе. Яркое голубое небо Рима, влияние пробуждающейся весны, такой могучей в этом божественном климате, и новая жизнь, которой она опьяняет душу, были вдохновением этой драмы.

Образы, разработанные мною здесь, во многих случаях извлечены из области движений человеческого ума или из области тех внешних действий, которыми они выражаются. В

современной поэзии это прием необычный, хотя Данте и Шекспир полны подобных примеров, – и Данте более чем кто-либо другой, и с наибольшим успехом, прибегал к данному приему. Но греческие поэты, как писатели, знавшие решительно обо всех средствах пробуждения сочувствия в сердцах современников, пользовались этим сильным рычагом часто. Пусть же мои читатели припишут эту особенность изучению созданий Эллады, потому что в какой-нибудь другой, более высокой, заслуге мне, вероятно, будет отказано.

Я должен сказать несколько чистосердечных слов относительно той степени, в которой изучение современных произведений могло повлиять на мою работу, ибо именно такой упрек делался относительно поэм гораздо более известных, чем моя, и, несомненно, заслуживающих гораздо большей известности. Невозможно, чтобы человек, живущий в одну эпоху с такими писателями, как те, что стоят в первых рядах нашей литературы, мог добросовестно утверждать, будто его язык и направление его мыслей могли не претерпеть изменений от изучения созданий этих исключительных умов.

Достоверно, что если не характер их гения, то формы, в которых он сказался, обязаны не столько их личным особенностям, сколько особенностям морального и интеллектуального состояния тех умов, среди которых они создались. Известное число писателей, таким образом, обладает внешней формой, но им недостает духа тех, кому будто бы они подражают; действительно, форма есть как бы принадлежность эпохи, в которую они живут, а дух должен являться самопроизвольной вспышкой их собственного ума.

Особенный стиль, отличающий современную английскую литературу – напряженная и выразительная фантастичность, – если его рассматривать как силу общую, не был результатом подражания какому-нибудь отдельному писателю.

Масса способностей во всякий период остается, в сущности, одной и той же; обстоятельства, пробуждающие ее к деятельности, непрерывно меняются. Если бы Англия была разделена на сорок республик, причем каждая по размерам и населению равнялась бы Афинам, нет никакого основания сомневаться, что, при учреждениях не более совершенных, чем учреждения афинские, каждая из этих республик создала бы философов и поэтов равных тем, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключим Шекспира. Великим писателям золотого века нашей литературы мы обязаны пламенным пробуждением общественного мнения, низвергнувшим наиболее старые и наиболее притеснительные формы ортодоксальных предрассудков. Мильтону мы обязаны ростом и развитием того же самого духа: пусть вечно помнят, что священный Мильтон был республиканцем и смелым исследователем в области морали и религии. Великие писатели нашей собственной эпохи, как мы имеем основание предполагать, являются созидателями и предшественниками какой-то неожиданной перемены в условиях нашей общественной жизни или в мнениях, являющихся для них цементом. Умы сложились в тучу, она разряжается своей многосложной молнией, и равновесие между учреждениями и мнениями теперь восстанавливается или близко к восстановлению.

Что касается подражания, поэзия есть искусство мимическое. Она создает, но она создает посредством сочетаний и изображений. Поэтические отвлечения прекрасны и новы не потому, что составные их части не имели предварительного существования в уме человека или в природе, а потому, что все в целом, будучи создано их сочетанием, дает некоторую мыслимую и прекрасную аналогию с этими источниками мысли и чувства и с современными условиями их развития: великий поэт представляет из себя образцовое создание природы, и другой поэт не только должен его изучать, но и непременно изучает. Если б он решился исключить из своего созерцания все прекрасное, что существует в произведениях какого-нибудь великого современника, это было бы так же неразумно и так же трудно, как приказать своему уму не быть более зеркалом всего прекрасного, что есть в природе. Такая задача была бы пустым притязанием для каждого, кроме самого великого, и даже у него в результате получились бы напряженность, неестественность и бессилие. Поэт пред-

ставляет из себя сочетание известных внутренних способностей, изменяющих природу других, и известных внешних влияний, возбуждающих и поддерживающих эти способности; он является, таким образом, олицетворением не одного неделимого, а двух. В этом отношении каждый человеческий ум изменяется под воздействием всех предметов природы и искусства, под воздействием всякого слова, всякого внушения, которому он позволил влиять на свое сознание; он – как зеркало, где отражаются все формы, сочетаясь в одну. Поэты, так же как философы, живописцы, ваятели и музыканты, являются в одном отношении творцами своей эпохи, в другом – ее созданиями. От такой подчиненности не могут уклониться даже высшие умы. Есть известное сходство между Гомером и Гесиодом, Эсхилом и Еврипидом, Вергилием и Горацием, Данте и Петраркой, Шекспиром и Флетчером, Драйденом и Попом; в каждом из них есть общая родовая черта, под господством которой образуются их личные особенности. Если такое сходство есть следствие подражания, охотно признаюсь, что я подражал.

Пользуюсь этим случаем, чтобы засвидетельствовать, что мною руководило чувство, которое шотландский философ весьма метко определил как «страстное желание преобразовать мир». Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого он не объясняет. Что касается меня, я предпочел бы скорее быть осужденным вместе с Платоном и лордом Бэконом, чем быть в Небесах вместе с Палеем и Мальтусом. Однако, было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтические произведения единственной задаче – усиливать непосредственно дух преобразований, или что я смотрю на них как на произведения, в той или иной степени содержащие какую-нибудь, созданную рассудком, схему человеческой жизни. Дидактическая поэзия мне отвратительна; то, что может быть одинаково хорошо выражено в прозе, в стихах является претенциозным и противным. Моей задачей до сих пор было – дать возможность наиболее избранному классу читателей с поэтическим вкусом обогатить утонченное воображение идеальными красотами нравственного превосходства; я знаю, что до тех пор пока ум не научится любить, преклоняться, верить, надеяться, добиваться, рассудочные основы морального поведения будут семенами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззаботный путник будет топтать их, хотя они должны были бы принести для него жатву счастья. Если бы мне суждено было жить для составления систематического повествования о том, что представляется мне неподдельными элементами человеческого общежития, защитники несправедливости и суеверия не могли бы льстить себя той мыслью, будто Эсхила я беру охотнее своим образцом, нежели Платона.

Говоря о себе со свободой, чуждой аффектации, я не нуждаюсь в самозащите перед лицом людей чистосердечных; что касается иных, пусть они примут во внимание, что, искажая вещи, они оскорбят не столько меня, сколько свой собственный ум и свое собственное сердце. Каким бы талантом ни обладал человек, хотя бы самым ничтожным, он обязан им пользоваться, раз этот талант может сколько-нибудь служить для развлечения и поучения других: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будет для него достаточным наказанием; пусть же никто не утруждает себя, громоздя над его усилиями прах забвения; куча пыли в этом случае укажет на могилу, которая иначе осталась бы неизвестной.

Действующие лица

Прометей.

Азия.

Демогоргон.

Пантея.

Океаниды.

Юпитер.

Иона.

Земля.

Призрак Юпитера.

Океан.

Дух Земли.

Аполлон.

Дух Луны.

Меркурий.

Духи Часов.

Геркулес.

Духи, Отзвуки Эха, Фавны, Фурии.

Действие первое

Сцена: Индийский Кавказ, ущелье среди скал, покрытых льдом. Над пропастью прикован Прометей. Пантея и Иона сидят у его ног. – Ночь. По мере развития сцены медленно занимается рассвет.

Прометей

Монарх Богов и Демонов могучих,
Монарх всех Духов, кроме Одного!
Перед тобой – блестящие светила,
Несчетные летучие миры;
Из всех, кто жив, кто дышит, только двое
На них глядят бессонными очами:
Лишь ты и я! Взгляни с высот на Землю,
Смотри, там нет числа твоим рабам.
Но что ж ты им даешь за их молитвы,
За все хвалы, коленопреклоненья,
За гекатомбы гибнущих сердец?
Презренье, страх, бесплодную надежду.
И в ярости слепой ты мне, врагу,
Дал царствовать в триумфе бесконечном
Над собственным моим несчастьем горьким,
Над мстью неудавшейся твоей.
Три тысячи как будто вечных лет,
Исполненных бессонными часами,
Мгновеньями таких жестоких пыток,
Что каждый миг казался дольше года, —
Сознание, что нет нигде приюта,
И боль тоски, отчаянье, презренье —
Вот царство, где царить досталось мне.
В нем больше славы, вечной и лучистой,
Чем там, где ты царишь на пышном троне,
Которого я не взял бы себе.
Могучий Бог, ты был бы Всемогущим,
Когда бы я с тобою стал делить
Позор твоей жестокой тирании,
Когда бы здесь теперь я не висел,
Прикованный к стене горы гигантской,
Смеющейся над дерзостью орла,
Безмерной, мрачной, мертво-холодной,
Лишенной трав, животных, насекомых,
И форм, и звуков жизни. Горе мне!
Тоска! Тоска всегда! Тоска навеки!
Ни отдыха, ни проблеска надежды,
Ни ласки сна! И все же я терплю.
Скажи, Земля, граниту гор не больно?
Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,

Скажите, эти пытки вам не видны?
Ты, Море, область бурь и тихих снов,
Небес далеких зеркало земное,
Скажи, ты было глухо до сих пор,
Не слышало стенаний агонии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.